

СОВРЕМЕННОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОТОКЕ: СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ VS СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В.И. Игнатьев

Новосибирский государственный
технический университет

ignat@fgo.nstu.ru

В статье анализируются информационные основания социальных трансформаций. Исследуется процесс возникновения виртуального и актуального социальных пространств. Анализируется механизм формирования социальной действительности и социальной реальности. Коммуникация и информация представлены как форма и содержание социального взаимодействия. Выявлен и проанализирован механизм информационного резонанса.

Ключевые слова: социальная информация, социальная реальность и действительность, виртуальное и актуальное социальное действие, информационный резонанс.

Несмотря на многочисленные дискуссии вокруг вопроса «что есть современность» как постоянно ускоряющаяся и беспрецедентно усложнившаяся действительность, вне поля зрения социальных наук остаются вопросы: что именно ускоряется, почему происходит ускорение, благодаря чему и на основе чего ускоряется; где истоки роста хаоса, неопределенности и рисков. Что «убегает» (Гидденс) в социальной действительности, что «течет» (Бауман)? Действия, взаимодействия, поступки, поведение, стили, процессы – все это внешние проявления некой еще не проясненной в познании сущности и сущности. Если становится фактом массовый «уход от норм» – то куда? И если происходит переход от норм к ценностям (Лэш) – то куда

и почему? Что, наконец, в социальной реальности «движется» с неизвестной ранее скоростью? Очевидно, что человек все быстрее перемещается в физическом пространстве, но одновременно может стремительно переместиться в социальном пространстве (Бауман, Урри). Но происходит и без изменения положения в физическом пространстве мгновенное перенесение в другое социальное пространство, на другую социальную позицию – но как? Вероятно, мысленно. С помощью чего? Кажется бы, ответ очевиден: с помощью электронных коммуникаций, которые «спрессовывают» и «уменьшают» физическое пространство и «свертывают» пространство социальное. Но сами каналы коммуникаций дают только возможность роста скорости.

Главное – *что* в них движется и само обладает качеством неограниченного роста. Существует циклическая причинная зависимость: рост объема перемещаемого требует роста скорости перемещения, а возможность ускорять перемещение является причиной роста объема перемещаемого. Единственный объект, обладающий такими возможностями роста объема и скорости перемещения, это информация. Именно она, на мой взгляд, как субстанция и лежит в основе всех новейших характеристик современного социума. Но она скрыта от эмпирического исследования и недоступна в рамках существующих в социологии теоретических конструктов и концепций. А тем временем переход к обществу с иной субстанцией уже состоялся.

На мой взгляд, в социальной теории имеет место недооценка влияния информационных процессов на радикальные трансформации, происходящие в основах современного общества. Информация должна быть рассмотрена как важнейший фактор наряду с такими, как технологические изменения, изменения субкультур и идеологий. Полагаю, что информация сыграла ту же роль в переходе к постиндустриальному обществу, как в свое время сыграл переход к расширенному товарному производству на индустриальной основе в возникновении особой социально-экономической системы – капитализма.

Сложность в признании информации как объекта социологического анализа наряду с социальным действием, взаимодействием, поведением, нормой, ценностью, предметно-вещественными факторами социальных действий связана в немалой степени с тем, что категория информации имеет «чужое» происхождение и не может до сих пор «вписаться» в понятийный ап-

парат не только социологии, но и социальной теории вообще. На мой взгляд, следует включить информацию в структуру социального действия, используя междисциплинарный подход к интерпретации понятия «информация», соотнеся его с такими понятиями, как основание действия, посредники действия, цели действия, ресурсы, артефакт, предмет и объект, материальное и идеальное, социальная реальность и социальная действительность, переходы социального идеального в социальное материальное, картины мира в социальном действии, программы действий, проектирование картин мира, виртуальная реальность, виртуал. Но предварительно необходимо переопределить информацию на основе понятий символа, значения и смысла, т. е. перевести с языка информатики на язык социологии.

Информация, в моем понимании, это субстанция «социального» как особого способа поддержания целостности (системности) особых объектов – взаимодействующих индивидов – через обмен между ними значениями и смыслами на основе передачи символов, что порождает особую социальную устойчивую связь – коммуникации. Это процесс производства и потребления знаков, смыслов и значений с целью постоянного производства в сознании действующих индивидов целостной картины социальной жизни, в которой действующим предписаны модели поведения и «маршруты» действий – цели и ценности. Индивид является социальным существом постольку, поскольку постоянно «потребляет» информацию для конструирования своей картины мира и строит «маршруты» своего движения в социальном пространстве.

Информация стала массовым и универсальным посредником во всех видах

социального взаимодействия и затронула субстанциальные основы социального. Экспансия информационного типа социального взаимодействия свидетельствует об окончательной перестройке сущности индустриальной цивилизации. Современное глобальное информационное взаимодействие выступает как метатехнология, обусловившая возникновение информационного общества. По М. Кастельсу, современный способ существования социума характеризуется информационно-технологической парадигмой. Новые социальные формы и процессы возникают как следствия технологических изменений. При этом технология не предопределяет развитие общества, но сама есть общество¹. Возник информационализм, исторически сформированный перестройкой капиталистического способа производства. В нем источник производительности заключается в технологии генерирования знания, обработке информации и символической коммуникации. Специфическим для информационного способа развития является воздействие знаний на само знание как главный источник производительности². По мнению С. Лэша, информационное общество характеризуется нарастающей неопределенностью, но подобное положение вещей есть не отклонение от нормы, а новая норма, как это ни парадоксально. Он отмечает, что результатом производства в информационном обществе становятся не столько блага, воплощающие в себе информацию, сколько сама информация как таковая. Поэтому

теория информационного общества становится теорией непредвиденных последствий. Именно эта переменная радикально изменяет современное общество на каждом из структурных уровней его организации³. В экономической области логика производства отстает перед логикой информации; как следствие, «новые продукты в значительной степени оказываются «сконструированными»; они в меньшей мере воспринимаются как «объекты» и в большей мере как «артефакты»⁴. «Некий вид диалектики, присущий информационному обществу... обуславливает развитие от порядка к беспорядку, а затем и к новому порядку. Внешне рациональное и основанное на знании производство воплощается в квазианархическом распространении потоков информации»⁵. Из квазианархии информационного общества рождаются новые закономерности производства, распределения и обмена, в которых информация, формально не знающая границ, упорядочивается системой интеллектуальной собственности; власть не устраняется, но становится нелинейной, не подчиняющейся традиционным формам анализа; интеллектуальная собственность не отрицает самого принципа собственности, но лишь переносит акцент с «собственности на объект» на «собственность на прототип», на исходное условие создание объекта⁶. Стоимость также не исчезает, но выступает не как объективная меновая стоимость, а как символическая, знаковая стоимость⁷. Таким образом, социальные за-

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

² Там же. – С. 39.

³ Lash S. Critique of Information / S.Lash. – London: Thousand and Oaks (Ca.), 2002. – P. 2.

⁴ Там же. – P. 26.

⁵ Там же. – P. 4.

⁶ Там же. – P. 81–82.

⁷ Там же. – P. 72–73.

кономерности не устраняются, но лишь изменяются и модернизируются. Устраняются, однако, стабильность, предсказуемость и временная определенность этих закономерностей. Лэш полагает, что современное общество становится беспрецедентно подвижным, лишенным устойчивых отношений и прочных основ. Экономика и социальная жизнь строятся не вокруг накопления, а вокруг коммуникаций. В информационном обществе средства производства уступают свое место инструментам коммуникаций, а производственные отношения – отношениям, возникающим в процессе обращения. В этих условиях политика представляется борьбой не вокруг накопления, а вокруг обращения⁸. Сами создаваемые людьми образы и смыслы становятся содержанием новой реальности, которая столь же объективна и в не меньшей мере определяет поведение людей, что и прежняя практика. Новые формы культуры и распространения информации становятся не столько отражением, сколько продолжением реальности. Теперь возникает некая единая реальность, не вполне объективная и не вполне субъективная. Практика технологического мира разрушает устойчивые представления, и на смену им приходит постоянно меняющаяся реальность и естественным образом вплетающиеся в нее иллюзии⁹.

Еще А. Турен писал, что «решающим для постиндустриального общества является то, что вся совокупность экономической системы составляет объект интервенции общества в отношении самого себя. Вот почему его можно назвать программ-

руемым обществом»¹⁰. Переход к постиндустриальному обществу осуществляется, когда инвестиции производят в большей степени не материальные блага и даже не «услуги», а блага символические, способные изменить ценности, потребности, представления.

Коммуникацию и информацию можно рассматривать как форму и содержание социального взаимодействия¹¹. Информация как субстанция существует лишь во взаимодействии субъектов. Причем с переходом к информационному обществу личность как «субстрат» взаимодействий сама претерпевает радикальные преобразования. «Индивидуализация» – вот символ трансформации этого субстрата, введенный в научный оборот З. Бауманом. По его мнению, общество, вступающее в XXI век, отличается от всех других исторических форм человеческого существования. Оно сформировалось не в силу стремления отдельных индивидов, а в результате действия объективных, деперсонализированных сил и тенденций. Индивидуализация – это рост обособленности индивидов, обусловленный раздельным характером деятельности или дальнейшим развитием дифференциации социальной коммуникации. Это вызвано двумя взаимосвязанными причинами: высокой и увеличивающейся скоростью изменения значений; нарастанием количества значений (информации)¹².

¹⁰ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерки социологии / А. Турен. – М.: Научный мир, 1998. – Р. 13.

¹¹ Игнатьев В.И. Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография / В.И. Игнатьев, Т.В. Владимирова, А.Н. Степанова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011.

¹² Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002.

⁸ Там же. – Р. 112.

⁹ Там же.

Экспоненциальный рост информации приводит к информационной перегрузке, что порождает непредвиденные последствия – рост дефицита информации, т. е. снижение объема необходимых сведений о приемлемом поведении; провоцирует растерянность, порождает инертность, сопровождается дезориентированностью, депрессией и стрессом. Это явление может быть оценено как падение качества информации. Виртуальные взаимодействия ведут к появлению «компьютерных аддиктов». Наступает психосоциальная депривация, т. е. деформация личностных характеристик, сопровождаемая отчуждением, фобиями и фрустрацией. Депривация ограничивает возможности для социального развития человека, сопровождается десоциализацией и дезадаптацией. Связи индивидов ограничиваются, им недостает живого общения, появляется синдром преследования как форма тотального контроля со стороны средств коммуникации¹³.

Трактовку информационного хаоса, окружающего человека, предложил Ж. Бодрийяр. Он обращает внимание на переживание неподлинности мира, данного нам в культурном акте, его зараженность вторичными идеологическими смыслами. Симулякр – единица ложного, неподлинного смысла. Симулякр – это ситуация беспорядочного взаимодействия вещей и людей, обусловленная нарастанием информационного потока, особый эффект нашего времени¹⁴. Симулякр – знак или неполная актуализация тех или иных явлений эмпирической реальности, свидетельство тотальной

экспансии новой системообразующей социальной субстанции – информации. Явление симулятивного псевдоподобия как ощущение неизменности действительности – прямое следствие предельности насыщения личности информацией.

Система символического социального мира порождается новой социальной системой, системой нового способа организации социального порядка. Для ее теоретического отображения необходимо зафиксировать простейшую систему – «клетку» – строения. Таковой, на наш взгляд, выступает виртуальное социальное взаимодействие как имитация взаимодействия, т. е. иллюзия воздействия субъекта на субъект, иллюзия, воспроизводимая в воображении обоих субъектов. Как возникает эта особая социальная система действия?

Устойчивость и нарастающий во всем социуме избыток информации порождает аномию – переизбыток моделей для выбора ролевого поведения. Но аномия растет в условиях контроля над ресурсами со стороны других значимых акторов. Поэтому ориентация на «другого» как условие целестремления лежит в основе и взаимодействия, и действия. Информация, организованная как ресурс, т. е. готовая выполнить функцию индивидуального средства целестремления, позволяет актору ориентироваться не на другого, а на создаваемый им самим нормативный порядок. У З. Баумана этот феномен назван индивидуализированным обществом, С. Лэш фиксирует замену норм на индивидуальные ценности. В этой связи теорию «индивидуализированного общества» З. Баумана можно интерпретировать как теорию перманентной и нарастающей аномии, выступающей сущностью современного общества, а данный процесс рассматривать как спровоцированный на-

¹³ Корытничкова Н.В. Интернет-зависимость и депривация в результате виртуальных взаимодействий // Социс. – 2010. – № 6. – С. 70–79.

¹⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 2001.

растающим ростом информационных потоков, обрушивающихся на отдельного актора. В этом же ключе можно интерпретировать и теорию разрастающейся неопределенности С. Лэша, которая определяется им как замена норм на индивидуальные ценности и замена целостного общества на социальный мир растущих сообществ.

Все эти явления есть следствие процесса, обозначаемого мною как «информационный резонанс»¹⁵. В чем его суть? Рост объема информации ведет к возникновению процесса самопорождения символического, воображаемого социального мира – «социальной реальности», к самопорождению не зависящих от социальной действительности ее новых возможных форм. Воображаемый мир начал «идти вперед» действительности, картины реальности становятся все более сложными и ей не соответствующими. Из «материала» постоянно растущих образцов рождаются и новые образцы возможных социальных практик, провоцирующие их конкуренцию с устоявшимися формами социальной действительности. Так, актуальное социальное действие приходит в противоречие и столкновение с виртуальным действием. Мир-система виртуальных действий отрывается от системы актуальное–виртуальное и начинает свою собственную жизнь. Происходит формирование альтернативного, параллельного социального пространства, возникают новые – антиинституциональные нормы. Избыток информации, как уже говорилось, порождает аномию. Перманентная и нарастающая аномия спровоцирована ростом информационных потоков. Так возникает эффект информационного ре-

зонанса. Теперь практика актора все более обусловлена не социально, а индивидуально. Возникает новое «виртуальное» социальное. А источником социальных норм и контроля становится особое – параллельное – социальное пространство. Виртуальное пространство становится автономным, перестает быть посредником внутри системы социального взаимодействия.

Информационный резонанс представляет собой возрастающую «волну», трансформирующую социальное пространство: растет дифференциация и умножение количества мыслимых миров социальной реальности, превращающихся в действительные миры; возрастает аномия и полиориентация акторов; возникают «зоны резонанса» – страты альтернативных социальных миров; растут конфликты и дезинтеграция традиционного пространства социальной действительности. Возникает эффект «пространственного разлома»¹⁶. Информационный резонанс порождает новое социальное пространство – виртуальную реальность. Так виртуализация сформировала киберпространство, изменившее саму реальность, раздвоив ее на актуальную и виртуальную (действительную и вымышленную).

Традиционная культура вытесняется современной мозаичной¹⁷. Если традиционная культура, по мнению А. Моля, регулировалась институтом образования, то мозаичная формируется под воздействием непрерывного и беспорядочного потока информации. В современном обществе при формировании «багажа знаний» соединяются случайные элементы культур разных эпох и народов, в сознании индивида они превра-

¹⁵ Игнатьев В.И. Информационный резонанс в социальной системе / В.И. Игнатьев. – Идеи и идеалы. – 2012. – № 3(13). – Т. 1. – С. 92–103.

¹⁶ Там же. – С. 94.

¹⁷ Моль А. Социодинамика культуры. – М.: КомКнига, 2005.

щаются в «хранилища сообщений». Знания складываются из обрывков, связанных случайно не рационально, а ассоциативно. Эти обрывки не образуют структуру, но сцеплены в некий «экран знаний» как основание для новой альтернативной и искусственно структурированной «картины мира». Этот «экран» формируется в результате погружения индивида в поток разрозненных, иерархически неупорядоченных сообщений. В результате не происходит ценностного отбора и структурирования опыта как при направленном процессе познания. Еще Ж. Бодрийяр писал, что точность и совершенность технологического воспроизводства объектов, их знаковая репрезентация конструируют иные объекты – «симулякры», из которых и состоит виртуальная реальность¹⁸. Виртуальная реальность – это организованное пространство «симулякров» – особых объектов, «отчужденных знаков», которые в отличие от знаков-копий фиксируют не сходства, а различия с референтной реальностью. В противоположность действительности, выражающей целостность, стабильность и завершенность, виртуальная реальность является источником различия и многообразия.

Информационный резонанс порождает безграничное развитие информационных технологий, которые, в свою очередь, приводят к коммуникативно-когнитивному резонансу. Исходная точка возникновения этого резонанса – создание интеллектуальных технологий как артефактов нового типа¹⁹. Их суть – производство, трансформация, сверхскоростная передача и реали-

¹⁸ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов. – Минск, 1996.

¹⁹ Демина М.Н. Изменения в когнитивных практиках индивидов под влиянием новых информационных технологий // Социс. – 2010. – № 6. – С. 87–92.

зация информации в общественной практике с характеристиками, близкими к свойствам человеческого мозга. Новые индивидуальные характеристики стали превращаться в социальные и породили ряд новых волн коммуникативно-когнитивного резонанса: интеллектуализацию информационных потоков, рост доступной информации, двусторонний обмен информацией, интерактивность взаимодействия, гипертекстовую структуру, функциональную расширяемость.

«Картины мира» акторов, живущих в насыщенном информацией пространстве, создаются по законам ризомы; язык Интернета обеспечивает мгновенный переход от одного текста к другому, при этом текст обретает иное измерение, становится бесконечным. Для актора это означает возникновение у него особого психологического состояния, ведущего к неверным оценкам и к принятию неверных решений. Эти явления Д. Льюис назвал «Синдромом информационной усталости»²⁰. Постоянно возникает мысль, пишет Д. Льюис, что нужно получить еще больше информации, а это приводит к «аналитическому и управленческому параличу»²¹. Вследствие избытка информации возникает информационная аномия²².

Результатом натиска сменяющихся друг друга волн информационного резонанса стала столь радикальная перестройка социального пространства, что социум превратился в «вывернутое наизнанку» собствен-

²⁰ Lewis, Dr. David. Are you suffering from information Fatigue Syndrome? (Электронный ресурс). – Режим доступа: <http://healingtheworkplace.wordpress.com/2008/07/23/are-you-suffering-information-fatigue-syndrome/>

²¹ Там же.

²² Маркин А.В. Функция отклоняющегося поведения в условиях информационной аномии. – М.: Закон и право, Юнити-Дана, 2006.

ное содержание – в коммуникации, освобожденное от своей формы – вещественно-предметного способа бытия (естественного и артефактов), а сами люди в значительной степени утратили «телесное основание» своих действий. Эта трансформация описана Марком Постером («бестелесность индивидов» как тел, подключенных к сетям электронных баз данных), Зигмунтом Бауманом («безместность» индивидов в информационных потоках) и Томасом Матисеном (тотальный образ жизни в Синоптиконе глобальных «наблюдателей»).

Как замечает З. Бауман, потоки информации все более не зависят от носителей. По его мнению, «для перестройки смыслов и отношений сегодня менее, чем когда-либо, необходимы перемещение и перестановка тел в физическом пространстве. Для некоторых людей – мобильной элиты... это означает в буквальном смысле «дефункционализацию», обретение полной независимости»²³. Элиты перемещаются в пространстве быстрее, чем когда-либо. Власть благодаря обретенной «бестелесности» в своей главной, финансовой форме приобретает подлинную экстерриториальность, даже если физические тела остаются «на месте». В киберпространстве, замечает З. Бауман, тела не имеют значения – хотя само киберпространство имеет значение, причем решающее для существования тел²⁴.

Марк Постер, трактуя электронные базы данных как усовершенствованный киберпространственный вариант Паноптикона, выдвинул предположение, что наши тела подключены к сетям, базам данных, информационным потокам, а значит, все эти хра-

нилища информации, к которым тела привязаны «информатически», уже не являются убежищами от наблюдения. Результатом сохранения огромного количества данных, по мнению Постера, является возникновение «суперпаноптикона». Этот Паноптикон носит особый характер: наблюдаемые, предоставляющие данные для хранения, являются главным фактором для хранения и главным фактором в процессе наблюдения. Они играют эту роль добровольно²⁵.

В результате возникает своеобразный глобальный социум, состоящий из одних коммуникаций, оторванный от физических мест и объединяющих множество индивидов в один организм – глобальное большинство наблюдателей за меньшинством. По мнению Томаса Матисена, этот организм подчиняется особому механизму организации глобальной власти – «Синоптикону». В нем меньшинство – это некие знаменитости из мира политики, спорта, науки, шоу-бизнеса. Они все глобалисты, поскольку находятся под наблюдением глобального большинства и выражают идею тотального образа жизни²⁶.

Таким образом, состоявшееся формирование строения базовой «клетки» информационного социума порождает трансформацию всей социально-экономической системы. Подтверждением этого могут служить теоретические выводы концепции «информационализма» М. Кастельса, особенно те, которые касаются изменения характера взаимосвязи знания и информации. Если продолжить «информациональную

²⁵ Poster Mark. Database as discourse, or electronic interpellations // *Detraditionalization / Ed Paul Heels, Scott Lash and Paul Morris.* – Oxford: Blackwell, 1996. – P. 284, 291.

²⁶ Mathiesen Tomas. The viewer society: Wickel Foucult's «Panjpticon» revisited // *Theoretical Criminology.* – 1997. – P. 215–234.

²³ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004.

²⁴ Там же. – С. 33.

перспективу» Кастельса, то можно предложить ее следующее концептуальное развитие. Поскольку информация – это знание, которое организовано для передачи, технологизированное знание, ориентированное на включение в практику, то информационализирующаяся экономика – это не экономика обмена предметами и энергией (деятельностью), а экономика символического обмена (симуляции), когда предметы, энергия и сама деятельность замещаются символами (символическим миром, «симулякрами»), обмениваются и потребляются не свойства предметов, а все новые и новые фрагменты знания о предметах. Происходит потребление «информации об информации». Тем самым субстанцией общества становится информация, а не стоимость (как в индустриальной цивилизации, основанной на капиталистической экономической системе), а субстратом – символический мир как непредметный (в противоположность предметному субстрату «товарного мира вещей» индустриальной цивилизации).

Существующим теоретическим конструктам современности релевантна следующая модель. Практика актора обусловлена все более не социально, а индивидуально как ориентация на его собственные нормы. При этом ресурс – информация – остается социально порождаемым фактором целедостижения и ориентации в социальном пространстве. Но возникает новое – информационное – социальное, в том смысле, что появляется новый субстрат социальных связей. Социальный контроль и образование социальных общностей смещается в пространство виртуального, воображаемого, вторичного и «параллельного» социального мира. Но информационные ресурсы и условия производства информа-

ции продолжают определяться в сфере реальных социальных практик. Поэтому социальная реальность удваивается – она становится и практической, и виртуальной. В этом состоит противоположность и противоречивость измененного социального взаимодействия. Виртуальность меняет не только информацию (ее цели и содержание), но и саму практическую деятельность как ресурсы, имеющие природный и социальный характер. В случае, если действие детерминировано преимущественно виртуальным, то социальное действие протекает под давлением взаимообусловленного практического и виртуального действия.

В виртуальной реальности человек наделяет смыслами, значениями те предметы и явления социального мира, которые не смог объяснить. Таким образом, виртуализация социальной жизни осуществляется, с одной стороны, посредством символического замещения непознанных сторон реального мира, с другой стороны, путем воспроизводства и самовоспроизводства смыслов. Тем самым понятие «виртуальное» сближается с понятием «идеальное». Поскольку «виртуальное», как и «идеальное», опосредует действительность (как практические действия людей), виртуальная реальность, сформировавшись сначала в коллективном сознании, воплощается затем в действительном социальном мире, становясь мощным рычагом контролирующего, упорядочивающегося воздействия на ход жизнедеятельности людей. Виртуальная реальность проявляется в действительности посредством символов (ритуалов, знаковых систем и проч.) и является его особым бытием. Виртуальное и действительное взаимосвязаны и взаимно проникают друг в друга. Виртуальность «постигает» мир, а действительность его сохраняет

(воспроизводит) либо изменяет. Виртуальное содержит в себе новые ценности, образцы поведения и существует изначально независимо от действительности, живет по своим законам. Маршрут социальных процессов пролегает через мир возможностей виртуального мира. Однако социальные изменения не произойдут до тех пор, пока виртуальный мир не будет актуализирован интеллектом инновационно мыслящих и действующих индивидов, т. е. пока образцы поведения и ценности не будут включены в действительную жизнь, не станут по-новому упорядочивать социальные взаимодействия.

Феномен виртуальности коренится в несводимости «реальностей» разных уровней (планов) друг к другу. «Реально» – есть утверждение о существовании феномена, которое (утверждение) индивиду не требуется доказывать для себя, этот феномен очевиден для него, «он существует на самом деле – поэтому он реален», «если я мыслю, что он существует, значит он реален». Независимо от мнения человека та часть социального мира действительно фактически на самом деле (actual) существует, которая его включает, с которой он взаимодействует не в воображении (потенциально), а в практическом действии (актуально), т. е. испытывая воздействие конкретных людей, направленных именно на него, и сам на них воздействует. Весь другой социальный мир дан ему не актуально, а потенциально, как виртуальный мир, т. е. он тоже присутствует в его сознании, но не включен в конкретные действия. Поскольку воображаемые действия и события потенциальны, возможны, но не актуализируются, постольку они не являются действиями (хотя и есть активность как форма расходования энергии). Виртуальное – это такие

образцы действий и взаимодействий, которые отдельными индивидами либо свободно извлекаются из арсенала «неактуальных» (недействующих) образцов, либо вначале конструируются на уровне воображения, а не интеракций, но затем вводятся ими и по их воле в интеракции. Это такие образцы взаимодействий, в которых один субъект реален, а другой воображаем.

Таким образом, актуальное социальное взаимодействие – это взаимодействие с участием действительных, а не воображаемых акторов. Виртуальное же социальное взаимодействие происходит тогда, когда одна из сторон – это действительно существующий субъект, а другая – «образ другого». В результате основой социальной системы такого типа становится символический обмен (обмен информацией) как форма символического социального взаимодействия и формируется специфическая система социального действия – «виртуальное социальное действие». В итоге виртуализация как социальный феномен приводит к трансформации и самой базовой «клетки», исходной элементарной системы социума – социального взаимодействия²⁷. Таким образом, социальное действие существует как актуальное и как виртуальное, а «социальное» существует как социальная действительность и как социальная реальность.

Исходя из вышеизложенного есть основание утверждать, что должна быть переосмыслена и наполнена новым содержанием базовая пара общесоциологических категорий: социальное действие и социальное взаимодействие. Для моделирования и интерпретации современного общества как

²⁷ Игнатьев В.И. Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография / В.И. Игнатьев, Т.В. Владимирова, А.Н. Степанова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011.

информационного уже недостаточно сведения характеристик его базовых элементов к элементам социального действия, заданным М. Вебером, или элементам системы социального действия Т. Парсона (на что в свое время было обращено внимание в социологии постмодернизма). «Ориентация на другого» не может не сохраняться, но этот «другой» становится принципиально иным. Символические посредники из посредников взаимодействия превращаются в субъекты («другие»), а сам актер становится действующим и вообще существующим (для себя и другого) виртуально, т. е. воспринимается как не только возможность, но и как действительная, уже состоявшаяся возможность (в этой связи нуждается в переосмыслении методологическая функция «теоремы Томаса» для моделирования возможных последствий изменения характера социального взаимодействия для всей социальной системы). Это ведет к прорыву за пределы пространства традиционных форм социального контроля и вообще самого социального контроля. Ролевая нормативная сеть в социуме становится пластичной, прерывной, локализуется и замыкается в виртуальном пространстве акторов и групп.

Представляется, что социологическая модель «человека действующего» информационной эпохи должна строиться не на основе принципа дополнительности или взаимоотрицания классических концепций, а на основе их конвергенции, объединения моделью общества как дихотомической социальной реальности, включающей два плана социального: системы актуального и виртуального социального взаимодействия. В качестве основания такой конвергенции и предлагается субстанциальный подход к интерпретации информационно-

го основания социального в модусе современности. Исходный пункт анализа – определение субстанции как единства субстрата и функции. Тогда информацию можно представить как единство смыслов (субстрата) и коммуникаций (функций). Выявлению субстанции системы предшествует обнаружение эмпирически существующего простейшего элемента системы, обладающей ее качественной спецификой. Таким элементом (клеткой) является система социального действия как действия, ориентированного на других субъектов. Это именно система, поскольку является единством двух взаимополагающих сторон: субъекта действия (актера) и «другого». Причем в качестве «другого» может выступать конкретно существующий субъект, их множество, или же любые другие объекты социального происхождения, выполняющие функцию объекта ориентации. Поэтому сведение простейшего элемента социальной системы только к субъект-субъектному взаимодействию есть фиксация одной из его возможных форм. Ориентацию на «другого» не следует понимать буквально как ориентацию на других субъектов – конкретных, эмпирически представленных индивидов. На самом деле в любой ситуации субъект ориентируется на схему-образ «другого», данную ему в его собственной картине реальности. Поэтому универсальным посредником взаимодействия между индивидами выступают смыслы как мыслительные конструкции, организованные характеристиками социального. С этой точки зрения простейшая социальная система состоит из субъектов, объединенных смысловыми (ментальными) конструкциями, организованными характеристиками социального. В любом случае актер ориентируется на схему возможного действия, прием-

лему для него картину мира. Обозначим эту картину-схему (маршрут) как виртуал. Можно утверждать, что актер ориентируется не просто на социальное, а на виртуальное социальное. Уже в этом заложена предпосылка расщепления системы действия, амбивалентность ориентации. Актер одновременно ориентируется на социальное (по происхождению и содержанию) и на виртуальное – ментальный заместитель социального (как системы схем практик, а не идеальных «картин» реальности). Тем самым параллельность социального пространства заложена изначально как возможность.

Эмпирически всеобщим, «тотальностью», информация становится в период ее неограниченного роста, одновременно превращаясь в товар и сама являясь историческим модусом товара как эмпирически данной клеточки капитализма. В основе этого превращения лежит процесс развертывания информации как единства смыслов и коммуникаций. Коммуникация как абстрактная и универсальная функция социального бытия знания способна безгранично возрастать (подобно капиталу как самовозрастающей стоимости) и безгранично потребляться, постоянно превращаясь в субстрат – новые смыслы. Смыслы потребляются без ограничения, теряя при этом свойство быть смыслами (т. е. направленными на что-то и для чего-то), тем самым превращаясь в функции коммуникаций. Так смыслы переходят в коммуникации. Происходит общение (коммуницирование) ради общения, обмен «бессмысленными смыслами». Это есть общение без смыслов. Одновременно над капиталом надстраивается его модус – самовозрастающая коммуникация. Потребление коммуникации ради коммуницирования без границ

становится основным законом информационного социума.

Информация выступает основанием социального как коллективного бытия людей, т. е. существования во взаимодействии и только как взаимодействие. Она есть «чувственно-сверхчувственное» бытие людей как взаимодействующих индивидов. Информация имеет вне предметное – системное – существование, хотя и воплощена в предметах – носителях сведений. Тем самым она выступает как социальное качество «второго порядка», в отличие от вещественно-предметных эмпирически данных носителей сведений, которые есть социальные качества «первого порядка». В этом смысле информация как социальное качество в отдельных «вещах» (носителях) не материализуется, а выражает интегративные качества социума как целого. В основе всех сообщений как «квантов» информации лежит социальное действие – т. е. действие человека, направленное на «другого», ориентированное на «другого» и одновременно сориентированное «другим». Через эту ориентацию осуществляется всеобщая связь человека, действующего со всем социумом (опосредованно и символическим способом, через индивидуальную картину социального мира – виртуал), а квант информации предстает как эмпирически данная, конкретная «клетка» социума, взятого со стороны особого системного качества – социального «второго плана» (идеального), социума как системы идеальных качеств.

Вышеизложенное позволяет уточнить природу, структуру и механизм функционирования базовой системы социума – социального действия. Социальные действия по форме вещественно-предметные, по содержанию – идеальные (ментальные) схемы действий. Эти ментальные конструкции

«складываются» из операционных и операционализируемых схем действий, передаваемых через коммуницирование. Их производство есть и условие, и результат коллективных действий, что и образует социум и социальность. Поэтому социальные действия и взаимодействия по сути есть информационные взаимодействия. И существование социума есть процесс его воспроизводства и развития как информационной субстанции, способ бытия особого – идеального – мира, порожденного социумом и порождающего социум.

Разделить смыслы и коммуникации возможно лишь в мышлении, в действительности одно есть alter ego другого. Смыслы как благо есть коммуникации лишь потому, что в них воплощена информация как операционные схемы социальных действий. Информация становится универсальным способом поддержания социальных связей между людьми, превращаясь в товар и капитал. Информация в своем движении начинает подчиняться порождаемому ей самой системному качеству – тотальному процессу коммуникаций. Общество переходит в состояние, когда индивиды коммуницируют ради коммуникаций, превращая коммуникации в фетиш, а информацию – в средство, служащее этому фетишу. Внешне мы наблюдаем буйство и торжество растущих потоков информации, однако это лишь видимость, за которой тотальное господство другого процесса – коммуницирования ради коммуницирования. Информационные технологии и техники по генерированию, обработке и передаче информации обслуживают процесс безграничного расширения пространства коммуникаций. «Информационная эпоха» на самом деле это эпоха гонки за новыми эффектами растущей и разнообразной коммуника-

ции. Однако одно без другого не существует. Коммуникация так же полагает информацию, как информация коммуникацию. Связующим звеном этих противоположных сторон социального действия продолжают оставаться смыслы. Через коммуникации индивиды делают свою жизнь социально осмысленной, а через смыслы полагают и реализуют потребность в целеполагании и целерациональных действиях, что делает их субъектами и социальными акторами. Поскольку информация образует систему квантов информации (данных) – операционных схем действий, постольку индивиды, будучи включенными в эту систему и обладая такими системными качествами, как смысловые структуры (социальное качество первого порядка), и коммуникации (социальное качество второго порядка), приобретают новый класс качеств – сверхкачество – схемы социально генерированных схем действий. Так, собственно социальное (как высшее интегративное качество) и полагает себя в действиях индивидов и интегрирует приобретенные ими в индивидуальном опыте смыслы действий и средства коммуницирования.

Литература

Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002.

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М.: Весь мир, 2004.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр // Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов. – Минск, 1996.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 2001.

Демитя М.Н. Изменения в когнитивных практиках индивидов под влиянием новых информационных технологий // Социс. – 2010. – № 6.

Игнатьев В.И. Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография / В.И. Игнатьев, Т.В. Владимирова, А.Н.З. Степанова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011.

Игнатьев В.И. Информационный резонанс в социальной системе / В.И. Игнатьев. – Идеи и идеалы. – 2012. – № 3(13). – Т. 1.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Корытшикова Н.В. Интернет-зависимость и депривация в результате виртуальных взаимодействий // Социс. – 2010. – № 6.

Луман Н. Что такое коммуникация? / Н.З. Луман // Социологический журнал. – 1995. – № 3.

Маркин А.В. Функция отклоняющегося поведения в условиях информационной аномии / А.В. Маркин. – М.: Закон и право, Юнити-Дана, 2006.

Моль А. Социодинамика культуры / А. Моль – М.: КомКнига, 2005.

Турен А. Возвращение человека действующего. Очерки социологии / А. Турен. – М.: Научный мир, 1998.

Lash S. Critique of Information / S. Lash. – London: Thousand and Oaks (Ca.), 2002.

Lewis Dr.David. Are You Suffering From Information Fatigue Syndrome? (Электронный ресурс). – Режим доступа: <http://healingtheworkplace.wordpress.com/2008/07/23/are-you-suffering-information-fatigue-syndrome/>

Mathiesen Tomas. The viewer society: Wickel Foucult's «Panjpticon» revisited // Theoretical Criminology. – 1997.

Poster Mark. Database as discourse, or electronic interpellations // Detraditionalization / Ed Paul Heels, Scott Lash and Paul Worriss. – Oxford: Blackwell, 1996.